

Д. С. Кийко

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ
«ВОЕННЫЙ РОБОТ» И «ВОЕННАЯ РОБОТОТЕХНИКА»
В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),

Казань, Россия

Поступила в редакцию: 21.01.2026 г.

Принята к публикации: 14.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2

23

Для цитирования: Кийко Д. С. Концептуальные основы разграничения понятий «военный робот» и «военная робототехника» в уголовно-правовой доктрине // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 23–37. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2.

Рассмотрена актуальная проблема отсутствия единого определения ключевых понятий в области военной робототехники как фактора неэффективности традиционных правовых норм в условиях стремительного технологического развития. Цель исследования состоит в преодолении терминологического пробела путем разработки и обоснования доктринальных определений ключевых категорий «военный робот» и «военная робототехника» для совершенствования системы уголовно-правового регулирования. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, способствующий сравнению национальных подходов и практик правового регулирования общественных отношений в сфере робототехники, а также структурно-функциональный метод, примененный для выявления и систематизации сущностных характеристик изучаемых феноменов. Обоснована необходимость четкого концептуального разграничения указанных понятий, предложены определения терминов «военный робот» и «военная робототехника». Основной вывод исследования заключается в том, что внедрение предложенных дефиниций формирует необходимую концептуальную основу для системной модернизации институтов уголовной ответственности, а именно уточнения субъекта преступления и форм вины, а также криминализации новых форм противоправного поведения. Подобное обновление уголовно-правового инструментария представляется необходимым условием для поддержания правовой безопасности и эффективного противодействия вызовам, порождаемым технологической трансформацией военного дела.

Ключевые слова: военный робот, военная робототехника, автономные системы, уголовное право, уголовная ответственность, квалификация преступлений, правовые пробелы, искусственный интеллект

Введение

Современный этап развития технологий характеризуется стремительными изменениями в области ведения боевых действий, связанными с активным использованием роботизированных систем и средств искусственного интеллекта в ходе вооруженных конфликтов. Эта тенденция, которую Ли Кайфу определил как «третью революцию в военном деле» [1, р. 338], порождает множество вызовов в сфере уголовно-правового регулирования. Формирование новых видов оружия и средств ведения войны, способных функционировать в автономном режиме, кардинально меняет традиционные представления о ведении боевых действий и ставит под сомнение эффективность существующего законодательства с точки зрения противодействия совершаемым с помощью новых технологий искусственного интеллекта преступлениям. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена нарастающим разрывом между скоростью технологических изменений в области военной робототехники и относительной статичностью уголовного права, которое пока не выработало единого подхода к квалификации преступлений, субъектом которых является робот.

Проблема исследования заключается в фундаментальной неопределенности базовых понятий «военный робот» и «военная робототехника» в доктрине уголовного права. Отсутствие законодательно закрепленных и научно обоснованных дефиниций создает правовой пробел, препятствуя четкому распределению ответственности между разработчиком, оператором и командующим, а также точной квалификации преступлений, совершенных с использованием автономных систем или против них. Как справедливо отмечает М. Сассоли, широкое использование автономных систем без должного международно-правового и национального регулирования несет в себе серьезные риски для соблюдения международного гуманитарного права и защиты прав человека [2, р. 339]. В российской уголовно-правовой науке также констатируется наличие пробелов в вопросе о противодействии преступлениям в эпоху цифровой трансформации [3, с. 53].

Целью данной статьи является разработка научно обоснованных определений понятий «военный робот» и «военная робототехника», адаптированных для целей уголовно-правового регулирования. Для достижения этой цели работа предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: анализ технологической эволюции военных роботов от телеуправления к автономности; выявление специфических уголовно-правовых рисков их применения, включая проблему распределения ответственности; сравнительный анализ ключевых дефиниций с позиций уголовного права и, наконец, формулировка доктринальных определений, пригодных для дальнейшего совершенствования законодательства.

Правовые пробелы в условиях развития военной робототехники

Стремительное развитие военной робототехники, характеризующееся активными процессами производства и распространения полностью автономных систем, оснащенных искусственным интеллектом, способным

принимать решения без участия человека, выявило системные правовые пробелы, создающие серьезные риски для международной безопасности и правового регулирования. Фундаментальной проблемой становится отсутствие правовой базы, которая отвечала бы вызовам современности и могла бы эффективно реагировать на проблемы, порождаемые новыми технологиями. Существующие правовые нормы довольно ограничены в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием искусственного интеллекта [4, с. 67]. Правовая доктрина оказывается в состоянии перманентного отставания от технологических реалий, что приводит к возникновению комплекса взаимосвязанных проблем.

Центральным представляется пробел в области определения субъекта ответственности за вред, причиненный автономными системами. В результате возникает вопрос о распределении вины за причиненный роботом ущерб, когда ответственность потенциально расплывается между многочисленными участниками жизненного цикла робота, начиная от разработчика, программиста и завершая оператором и командиром, принимающим решение о применении машинного интеллекта. По мнению Р. Кало, в современном праве отсутствует механизм разрешения проблемы распределения ответственности за действия, совершаемые автономными системами, оснащенными искусственным интеллектом [5, с. 532–537]. Эта неопределенность может позволить ответственным лицам остаться безнаказанными в случае инцидентов с несанкционированным применением автоматических систем, результатом которого стала гибель человека. Н.Л. Денисов прямо указывает на неспособность существующих конструкций уголовной ответственности решать эти задачи и на неэффективность традиционных границ правосубъектности [6]. Возникает так называемый правовой пробел, при котором не существует четких критериев определения лица, виновного в преступлении, совершенного в результате действия автономного робота, не обладающего сознанием, который не соответствует традиционному пониманию субъекта преступления [7, с. 331].

Не менее существенной является проблема соответствия автономных систем нормам международного гуманитарного права, в частности принципам разграничения целей и соразмерности. Способность робота оценивать сложный и динамичный контекст боевых действий, что требует наличия эмпатии и контекстного анализа, присущего, как отмечает Дж. Баррат, лишь разуму человека, остается предметом серьезных сомнений [8, с. 25]. Учеными справедливо поднимается вопрос о недопустимости полностью автоматизированного принятия решений, касающихся жизни и смерти человека, поскольку действия, совершаемые системами искусственного интеллекта, являются полностью утилитарными, лишенными комплексной моральной оценки сложившейся обстановки [9, р. 85–89]. Однако, как отмечают А.В. Габов и И.А. Хаванова, если автономный робот, применение которого на поле боя является незаконным, сумеет учесть весь комплекс моральных и этических дилемм при принятии решения, его программа не сможет обеспечить полное соблюдение всех требований моральных и уголовных норм, хоть и будет согласована с принципами международного гуманитарного права [10, с. 370]. Усугубляет ситуацию феномен «психологической дистан-

ции» [11], наблюдаемый в контексте ведения боевых действий с использованием дронов, управляемых дистанционно посредством радио- или спутникового сигнала. Данный феномен представляет собой значимую проблему в области военной психологии и этики и характеризуется снижением порога применения силы, что может приводить к проявлениям чрезмерной жестокости и нарушению основополагающих принципов гуманности.

Истоки многих правовых пробелов лежат в дефинитивном пробеле, подразумевающим отсутствие единых и согласованных понятий. Эта терминологическая неопределенность является главным препятствием для создания эффективных международных и национальных правовых режимов. Без четкого определения предмета регулирования любые правовые нормы рискуют остаться декларативными и легко обходимыми на практике. Как справедливо отмечает И. Р. Бегишев, технологическое развитие влечет за собой появление новых терминов и постоянное обновление и расширение терминологии, относящейся к сфере роботов и робототехники [12, с. 80].

Таким образом, правовые пробелы в сфере военной робототехники носят системный и многогранный характер, пронизывая все уровни правового регулирования от квалификации конкретных деяний до фундаментальных принципов международного гуманитарного права. Преодоление этих пробелов требует безотлагательных скоординированных усилий международного сообщества, направленных на формирование новой правовой парадигмы, которая способна ответить на беспрецедентные вызовы, порождаемые развитием автономных боевых систем.

Сравнительно-правовой и доктринальный анализ понятия «военный робот»

Определение понятия «военный робот» представляет собой методологическую проблему, находящуюся на стыке технологических наук, международного права и национальных правовых систем. Отсутствие унифицированного подхода к дефиниции обусловлено как стремительным развитием самих технологий, так и устоявшимися правовыми традициями государств. Проведение сравнительно-правового анализа позволяет выявить ключевые дискурсивные практики и концептуальные подходы к пониманию данной категории.

В международном правовом поле доминирует функциональный подход, акцентирующий внимание на автономности системы как ее ключевом признаке. В документах ООН и экспертных отчетах регулярно используется термин «смертоносные автономные системы оружия» (Lethal Autonomous Weapons Systems — LAWS), под которыми понимаются системы, способные самостоятельно, без непосредственного контроля оператора, выбирать цели и применять силу [13]. LAWS оказались в фокусе внимания исследователей и ученых из разных стран. Открытое письмо, которое подписали более трех тысяч экспертов в области робототехники, среди которых были известный ученый С. Хокинг и предприниматель И. Маск, было опубликовано в ходе Международной совместной конференции по искусственному интеллекту в 2015 г. В этом

письме LAWS были охарактеризованы как «третья революция в военном деле после пороха и ядерного оружия», что еще сильнее подчеркивает их особую роль в современных вооруженных конфликтах [14].

Согласно альтернативной точке зрения, продвигаемой, в частности, А. Кришнаном, концепция военного робота основывается на технологическом подходе, рассматривающем его как совокупность аппаратных и программных компонентов. В их числе выделяются датчики, камеры, радары, исполнительные механизмы, информационные процессоры и средства передвижения [15, р. 21]. Тем не менее данный метод обладает определенными недостатками, поскольку он не всегда способен охватить весь спектр непрерывно развивающихся технологий. Более того, в рамках технологического подхода возникает сложность в дифференциации систем гражданского и военного назначения.

На национальном уровне наблюдается значительный разброс в подходах, отражающий как уровень технологического развития, так и правовые традиции конкретных государств. В американской военно-правовой доктрине, например, используется детализированная классификация Министерства обороны США (DoD Directive 3000.09), которая разделяет системы по уровням автономности в зависимости от уровня человеческого контроля. Директива подчеркивает необходимость «надлежащего уровня человеческого суждения» в момент принятия решения в отношении применения силы [16]. Данный подход отличается высокой степенью технической конкретики, но при этом слабо адаптирован для правового регулирования, так как не позволяет квалифицировать степень виновности и установить причинно-следственные связи в ходе расследования совершенного преступления.

В настоящий момент в правовом поле Российской Федерации отсутствует закрепленное на уровне федерального законодательства определение робототехнической системы. Регулирование отдельных вопросов, связанных с данной сферой, осуществляется опосредованно в рамках правового режима, установленного для искусственного интеллекта. Ключевым ориентиром здесь служит Указ президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, который закрепляет трактовку искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, направленных на воспроизведение человеческих когнитивных функций [17]. Данная дефиниция создает определенную нормативную базу для правового сопровождения развития интеллектуальных робототехнических комплексов. Вместе с тем подобный подход обладает существенным недостатком, поскольку он не отражает специфической природы робототехники как самостоятельной дисциплины, ключевым признаком которой является способность к физическому воздействию на окружающий мир и активному взаимодействию с ним.

В российском правовом дискурсе начинает формироваться собственный понятийный аппарат. Как отмечает И. Р. Бегишев, в отечественном законодательстве отсутствует единое и согласованное определение беспилотных транспортных средств [18, с. 8–9], что создает правовой пробел и вынуждает обращаться к доктринальным толкованиям. В рамках анализа дефиниций термина «робот» представляется целесообразным обратиться к определению, предложенному И. Р. Бегишевым, кото-

рый определяет робота как высокотехнологичный продукт цифровой эпохи, функционирующий на основе программного обеспечения и обладающий способностью как выполнять predetermined алгоритмические задачи, так и автономно решать сложные проблемы, требующие когнитивного подхода [19, с. 14]. Таким образом, робот представляет собой синергетическую систему, интегрирующую достижения в области искусственного интеллекта, робототехники и компьютерных наук, что позволяет ему эффективно взаимодействовать с окружающей средой в рамках заданных параметров.

В Индии наблюдается децентрализованный характер нормативного регулирования, где ключевой документ («Национальная стратегия по искусственному интеллекту») фактически интегрирует робототехнику в более широкую парадигму ИИ, не признавая ее автономным предметом правового поля [20]. Эта концептуальная позиция, при которой робототехника лишается отдельного юридического статуса, сдерживает формирование целенаправленной законодательной базы и порождает среду нормативной неопределенности. В свою очередь, Южно-Африканская Республика находится на этапе становления соответствующего законодательного аппарата. Стратегический курс, отраженный в общеафриканской «Стратегии цифровой трансформации (2020–2030)», задает общий вектор развития, упоминая робототехнику в контексте Четвертой промышленной революции [21], однако он носит декларативный характер и лишен конкретики в вопросах дефиниций и систематизации таких технологических решений. В правовом поле других африканских стран, например Нигерии, не дается точного определения данному термину, а сами роботы не рассматриваются в качестве субъектов права [22, с. 846]. Таким образом, обе юрисдикции, хотя и на разных стадиях, сталкиваются с дефицитом четких нормативных ориентиров для регулирования стремительно развивающейся робототехнической отрасли.

В рамках уголовно-правовой доктрины анализ понятия «военный робот» требует смещения акцента с чисто технологических параметров на критерии, имеющие непосредственное значение для квалификации преступлений и назначения наказания. В этом контексте принципиальное значение приобретает не столько степень автономности системы в техническом смысле, сколько характер и уровень делегирования ей правомочий по принятию решений, связанных с причинением вреда охраняемым уголовным законом благам, а именно жизни, здоровью и имуществу. Можно отметить, что с уголовно-правовой точки зрения ключевым является точное определение того, выступает ли робот всего лишь инструментом преступления, оружием, управляемым человеком, или же он выполняет функцию субъекта преступления. В первом случае, например, при использовании дистанционно управляемого беспилотного аппарата, ответственность за все деяния правомерно должна вменяться оператору или командиру. Во втором случае, когда система обладает значительной автономией, возникает правовая коллизия, так как классические составы преступлений не предусматривают ответственности за косвенное причинение вреда посредством сложной кибернетической системы, самостоятельно принимающей решения.

Фундаментальной причиной существующих терминологических расхождений в трактовке таких понятий, как «робот» и «военный робот», а также отсутствия консенсусной системы критериев для их идентификации является глубинная сложность самой задачи формулирования исчерпывающей дефиниции. В этой связи представляется релевантной позиция А. Войкулеску, который аргументирует, что проблема дефиниции носит комплексный характер, проистекая из самой природы робототехники как феномена [23, р. 162—163]. Ее разработка и последующая интеграция в социальный и операционный контекст не ограничиваются сугубо технической плоскостью, поскольку охватывают широкий спектр сопряженных аспектов, среди которых можно выделить стремительную эволюцию технологических возможностей, порождающую пробелы в традиционном законодательстве и нормативные вызовы, а также фундаментальные этические дилеммы, касающиеся автономии, ответственности и границ допустимого применения автономных боевых систем. Многомерность этой проблемы закономерно обуславливает необходимость привлечения набора специализированных знаний, выходящего за рамки инженерии и кибернетики и охватывающего области таких дисциплин, как юриспруденция, прикладная этика, а в ряде случаев даже медицина и биология, что подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода не только для концептуализации данного понятия, но и для его ответственной практической имплементации.

Проведенный анализ со всей очевидностью выявляет глубинный концептуальный разрыв в понимании категории «военный робот». Данный термин лишен универсального содержания. В плоскости международного права акцент смещен на критерий функциональной автономности, а на национальном уровне наблюдается крайний плюрализм подходов, а иногда и отсутствие какого бы то ни было определения. Уголовно-правовая доктрина справедливо настаивает на выработке таких дифференцирующих признаков, которые напрямую служили бы целям квалификации деяний и четкой индивидуализации ответственности. Подобная терминологическая неопределенность не только блокирует формирование жизнеспособного международно-правового режима, но и создает непреодолимые препятствия для построения непротиворечивой и эффективной системы уголовно-правовых норм внутри отдельных государств. В свете изложенного настоятельной методологической необходимостью представляется разработка доктринальной дефиниции, концептуально адаптированной к специфическим задачам и принципам уголовного права.

Разграничение смежных понятий «военный робот» и «военная робототехника»

В современной научной и практической сфере сохраняется терминологическая неоднородность в определении ключевых понятий. Эта проблема признается на государственном уровне, что подтверждается официальными документами, где отсутствие единого понимания терминов «искусственный интеллект» и «робот» прямо указывается в качестве

барьера для формирования правового регулирования [24]. При этом в России до сих пор не создано специализированное законодательство, учитывающее специфику технологий искусственного интеллекта и робототехники. В связи с этим актуализируется потребность в фундаментальных отечественных исследованиях, способных обеспечить содержательное осмысление данного феномена, что является необходимым условием для выстраивания эффективной системы уголовно-правовой охраны. Особую значимость в этом процессе приобретают разработки в области наук уголовно-правового цикла, поскольку роботизированные системы, в частности получающие все большее распространение категории «военный робот» и «военная робототехника», требуют тщательного изучения в качестве как предмета, так и орудия совершения преступления.

Формирование правового поля для сферы автономных вооружений осложняется некорректной терминологической идентификацией, когда в дискурсе происходит подмена понятия «военный робот» (как конкретного устройства) более широкой категорией «военная робототехника» (как комплексной отрасли знаний и технологий). Эта концептуальная подмена влечет за собой методологическую несостоятельность при конструировании юридических норм, поскольку законодатель де-факто лишается четко очерченного предмета регулирования. Он колеблется между попыткой нормировать единичный объект и стремлением охватить всю многогранную технологическую и социальную экосистему.

В системе права категория «военный робот» требует многоаспектного анализа для определения ее юридической сущности. Исторически начиная с сочинений К. Чапека понятие «робот» прочно связывается с идеей автоматического устройства, чьи функции являются антропоморфными, то есть направленными на замену человека при выполнении определенных операций. Этот антропоцентричный подход нашел отражение и в узкоспециализированных источниках, таких как «Военный энциклопедический словарь», где боевой робот определяется как техническое устройство, обладающее человекоподобным поведением и предназначенное для выполнения боевых задач вместо человека [25]. Аналогичный акцент на имитации человеческих функций присутствует и в ряде дефиниций роботов военного назначения, где ключевым критерием выступает их способность функционировать в автономном режиме [26, с. 88]. Таким образом, антропоморфизм, понимаемый как автоматизация человеческих действий, остается смысловым ядром многих определений, что, однако, не снимает вопросов о его достаточности для четкого разграничения данной категории техники в условиях быстрого технологического развития.

В отличие от определения «военного робота», понятие «военная робототехника» является родовым, обобщающим и обозначает целую технологическую и социально-правовую сферу. Это комплексная отрасль знаний, технологий и практик, охватывающая не только создание отдельных образцов, но и всю инфраструктуру их обеспечения. Данное понятие включает в себя несколько ключевых элементов. Во-первых, это научно-техническая и производственная деятельность по проектированию, конструированию, программированию и испытаниям роботизи-

рованных систем военного назначения. Во-вторых, военная робототехника представляет собой систему знаний, включающую теоретические основы, алгоритмы, программное обеспечение и тактико-технические доктрины применения. В-третьих, это правовое поле, совокупность норм, регулирующих разработку, развертывание и боевое применение роботизированных систем, включая международное гуманитарное право, договоры о контроле над вооружениями и национальное уголовное законодательство. Ключевой задачей современной робототехники, по мнению А. Войкулеску, является проектирование машин, способных к автономному функционированию и активному взаимодействию с изменяющейся окружающей средой [23, р. 162]. Эта фундаментальная установка подчеркивает, что роботы создаются не как статичные инструменты, а как активные агенты, способные самостоятельно воспринимать динамичную окружающую среду, анализировать ее и реагировать на ее изменения. Автономность является основным критерием для понимания специфики военных роботов, поскольку именно она трансформирует их из простого орудия в потенциально независимый субъект на поле боя. Таким образом, если военный робот является материальным продуктом, то военная робототехника — это процесс и контекст его создания и функционирования.

Смысловое разделение категорий «военный робот» и «военная робототехника» важно для уголовно-правовой доктрины, поскольку именно оно задает направление и границы применимости правовых мер. Если уголовное право рассматривает робота в качестве материального объекта, то правовые нормы фокусируются на таких деяниях, как его противоправное применение в качестве орудия, умышленная порча имущества и др. В этой парадигме закон имеет дело с физическим объектом и непосредственно причиняемым им вредом. Напротив, регулирование военной робототехники как комплексной области деятельности предполагает иную, более сложную логику. Оно требует создания правовых составов, которые охватывали бы преступления в сфере научно-технического развития военных технологий, устанавливали ответственность за решения, связанные с использованием автономных боевых систем, и противодействовали незаконному распространению критически важных технологий. В данном случае объектом правовой оценки становится не единичное действие, а целенаправленная деятельность, чреватая возникновением масштабных угроз для государственной и международной безопасности. Таким образом, анализируемое разграничение понятий становится не формальностью, а ключевым условием для выстраивания релевантной и действенной уголовно-правовой системы. «Военный робот» здесь предстает как конкретный носитель определенного правового статуса, тогда как «военная робототехника» является динамической и многокомпонентной деятельностью, создающей принципиально новые формы общественной опасности. Четкое их разделение позволяет с максимальной точностью определить сферу регулирования, корректно квалифицировать противоправные деяния и минимизировать правовой пробел, проистекающий из терминологической неопределенности.

Влияние определения понятий на институты уголовной ответственности

Устоявшаяся и терминологически выверенная трактовка понятий «военный робот» и «военная робототехника» имеет принципиальное значение для конструирования институтов уголовной ответственности. Доктринальное определение данных категорий с последующей возможностью их легальной фиксации формирует концептуальный фундамент для всего уголовно-правового режима в этой области. От конкретики этих дефиниций напрямую зависит логика применения правовых норм на всех ключевых стадиях — от решения вопроса о криминализации того или иного действия автономной системы до корректной квалификации деяния и определения меры ответственности конкретных субъектов.

Прежде всего определение понятия «военный робот» является отправной точкой для криминализации новых видов общественно опасных деяний. Без четкого понимания того, что представляет собой данный объект, законодатель не может корректно сформулировать диспозиции соответствующих статей Уголовного кодекса РФ. Например, необходимость введения специального состава преступления, связанного с незаконным использованием автономного военного робота, напрямую зависит от его отграничения от дистанционно управляемых систем. Если под роботом понимать любую автоматизированную систему, то состав будет чрезмерно широким. Если же связать определение с ключевым признаком автономности, способностью к самостоятельному принятию решений в определенном контексте, то и состав преступления может быть сконструирован более точно, охватывая именно те деяния, которые обладают повышенной общественной опасностью в силу выхода системы из-под непосредственного контроля человека. Как отмечает Е. В. Щелконова, понимание объекта преступления имеет большое значение для систематизации Особенной части УК РФ [27, с. 132], и в данном случае таким объектом выступают не только традиционные блага, но и новая сфера общественных отношений, а именно безопасность функционирования автономных систем.

Терминологическая неопределенность оказывает наиболее значимое воздействие на институты субъекта преступления и вины как фундаментальные основы уголовного права. Традиционная правовая парадигма, основанная на концепции вменяемого лица как единственного субъекта ответственности, переживает системный кризис в тех ситуациях, когда ущерб причиняется функционированием автономных систем. В случае, если система квалифицируется лишь как инструмент совершения преступления, то вся полнота ответственности возлагается на оператора или командующего, а правовой анализ сосредотачивается на установлении стандартных форм вины (умысла или неосторожности) в их действиях.

Дефиниция, включающая в себя способность системы к автономному определению целей и использованию силового воздействия на основе алгоритмов ИИ, порождает существенную правовую неопределенность. В данном контексте традиционная модель возложения ответственности на оператора, не осуществившего вмешательство в работу комплекса, оказывается несостоятельной, так как его вина может быть рассмотрена лишь как опосредованная. Это актуализирует поиск новых правовых конструкций для атрибуции виновности. Одним из таких потенциаль-

ных подходов выступает фокусирование не на самом противоправном результате, а на недостаточности превентивных мер, принятых на этапах разработки или планирования операции для минимизации рисков.

Корректная юридическая квалификация противоправных деяний напрямую зависит от четкости используемых терминологических конструкций. Размытость дефиниций порождает существенные коллизии в правоприменительной практике, когда одно и то же действие получает разнородную юридическую оценку. Яркой иллюстрацией служит ситуация с нейтрализацией автономного робота. В зависимости от интерпретации его статуса правоприменитель может классифицировать это либо как диверсию (ст. 281 УК РФ), либо как уничтожение военного имущества (ст. 346 УК РФ). Ключевым критерием здесь выступает легальная характеристика устройства, то есть признается ли оно оружием, боевой платформой или материальным активом. Схожая правовая задача возникает при использовании военного робота против гражданского населения, где грань между террористическим актом (ст. 205 УК РФ) и применением запрещенных методов войны (ст. 356 УК РФ) становится ситуативной. Устранение данной терминологической неоднозначности через законодательное закрепление однозначных критериев представляется необходимым условием для унификации судебной практики.

Доктринальная определенность оказывает существенное влияние и на пенитенциарную политику. Когда вредоносные последствия наступают вследствие комплексного системного сбоя в коде, заложенном в программное обеспечение робота, а не в результате осознанных противоправных действий индивида, традиционная квалификация преступления утрачивает свою эффективность. В подобных случаях доминирующей целью наказания для ответственных должностных лиц или инженеров-разработчиков становится не исправительная, а превентивная функция. Речь идет о необходимости стимулирования создания отказных систем и недопущения повторения инцидентов в перспективе, что требует от законодателя формирования гибких правовых механизмов, учитывающих технологическую сложность и организационную специфику данной области.

Таким образом, преодоление нормативной неопределенности в отношении категорий «военный робот» и «военная робототехника» составляет основу для построения последовательной и эффективной уголовно-правовой модели. Строгая детерминация понятий здесь выступает не теоретической абстракцией, а системообразующим элементом, определяющим конструирование составов правонарушений, установление вины, качественную квалификацию деяний и соразмерность назначаемых санкций. Преодоление существующего терминологического пробела необходимо для правового реагирования на вызовы, порождаемые технологическим прогрессом в военной сфере.

Заключение

На современном этапе развития вооружений, основной особенностью которого является переход от дистанционно управляемых устройств к полностью автономным комплексам, выявляется несоответствие норм уголовного права стремительно меняющимся технологическим реалиям. Данный правовой пробел, по мнению автора, связан с отсутствием

в доктринальных источниках единой и научно выверенной трактовки ключевых понятий «военный робот» и «военная робототехника». Проведенный анализ демонстрирует глубокий концептуальный разрыв на различных уровнях правового регулирования между изучаемыми терминами. С целью преодоления указанной терминологической неопределенности в результате проведенного анализа были сформулированы следующие дефиниции.

Под *военным роботом* предлагается понимать автономную либо телеуправляемую техническую систему, задача которой заключается в выполнении боевых, разведывательных, логистических или иных функций в военной сфере. Ключевой характеристикой такой системы является ее способность в рамках заложенных алгоритмов самостоятельно воспринимать окружающую обстановку, обрабатывать полученные данные и осуществлять физическое воздействие на объекты внешней среды, в том числе применять силу. С точки зрения уголовно-правового регулирования большое значение приобретает степень делегирования системе полномочий по принятию решений о причинении вреда охраняемым законом ценностям. Именно этот критерий служит основанием для определения ее правового статуса в качестве либо инструмента преступления, либо потенциального субъекта уголовного права.

Термин *военная робототехника* охватывает комплексную междисциплинарную область, которая состоит из научных изысканий, проектирования, производства, эксплуатации и правового регулирования военных роботов. Содержанием данной отрасли выступает создание и внедрение технологий, обеспечивающих функционирование роботизированных систем, в то время как предметом уголовно-правовой защиты становятся общественно опасные деяния, связанные с этой сферой. К их числу можно отнести, например, незаконную разработку роботов, неправомерный приказ на их применение, а также нарушение правил эксплуатации машин, способное повлечь причинение существенного вреда.

Предложенные определения обладают значительным потенциалом для использования в сфере уголовного права. В частности, установление степени автономности и функционала конкретного роботизированного комплекса становится ключевым фактором для решения фундаментальных вопросов квалификации деяния и распределения ответственности.

Список литературы

1. Kai-Fu Lee, Chen Qiufan. AI 2041: Ten visions for our future. N. Y., 2021.
2. Sassóli M. Autonomous weapons and international humanitarian law: Advantages, open technical questions and legal issues to be clarified // International Law Studies. 2014. Vol. 90, №1. P. 308—340.
3. Бегишев И. Р. Цифровая терминология: подходы к определению понятия «робот» и «робототехника» // Информационное общество. 2021. №2. С. 53—66. doi: 10.52605/16059921_2021_02_53. EDN: ТКАAMV.
4. Бхатт Н. Преступления в эпоху искусственного интеллекта: гибридный подход к ответственности и безопасности в цифровую эру // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3, №1. С. 65—88. doi: 10.21202/jdtl.2025.3. EDN: RTOLZA.

5. *Calo R. Robotics and the lessons of cyberlaw* // *California Law Review*. 2015. Vol. 103. P. 513–563.

6. Денисов Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019. №4. С. 18–20. EDN: WNOSYQ.

7. Кумехова М. Б. Роль искусственного интеллекта при проведении следственных и следственных мероприятий по уголовно наказуемым деяниям // *Право и управление*. XXI век. 2024. №1 (11). С. 331–334. doi: 10.24412/2224-9133-2024-11-331-334. EDN: QLPWIT.

8. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / пер. с англ. Н. Лисовой. М., 2015.

9. Lin P., Abney K., Bekey G. A. Robot ethics: the ethical and social implications of robotics. L., 2014.

10. Габов А. В., Хаванова И. А. Автономия боевых роботов и право // *Пермский юридический альманах*. 2019. №2. С. 361–378.

11. Jin D. Where have the ethical and moral standards landed? Consumer self-congruency and psychological distance in the context of AI-based services // *International Hospitality Review*. 2025. Vol. 39, №1. P. 144–167.

12. Бегиев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой. М., 2022.

13. Sauer F. Lethal autonomous weapons systems // *The Routledge social science handbook of AI* / ed. by A. Elliott. L., 2021. P. 237–250.

14. *Autonomous Weapons Open Letter: AI & Robotics Researchers* // *Future of Life Institute*. 2015. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/open-letter-autonomous-weapons-ai-robotics/> (дата обращения: 18.01.2026).

15. Krishnan A. Killer robots: legality and ethicality of autonomous weapons. Farnham, 2009.

16. DoD Directive 3000.09, “Autonomy in Weapon Systems” : November 21, 2012. Effective: January 25, 2023 // Office of the Under Secretary of Defense for Policy (OUSD(P)). URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/25/2003149928/-1/-1/0/DOD-DIRECTIVE-3000.09-AUTONOMY-IN-WEAPON-SYSTEMS.PDF> (дата обращения: 18.01.2026).

17. Об утверждении Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ президента РФ от 10.10.2019 г. №490 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2019. №41. Ст. 5700.

18. Бегиев И. Р. Правовое регулирование беспилотных транспортных средств // *Транспортное право*. 2021. №3. С. 7–10. doi: 10.18572/1812-3937-2021-3-7-10. EDN: BFFKKJ.

19. Бегиев И. Р. Юрико-терминологический анализ понятия «робот» // *Юрислингвистика*. 2022. №26 (37). С. 13–16. doi: 10.14258/leglin(2022)2602.

20. *National Strategy for Artificial Intelligence #AIFORALL* : June 2018. URL: <https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2019-01/NationalStrategy-for-AI-Discussion-Paper.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).

21. *The Digital Transformation Strategy for Africa (2020–2030)*. URL: <https://au.int/en/documents/20200518/digital-transformation-strategy-africa-2020-2030> (дата обращения: 18.01.2026).

22. Икубани О. О., Ойебанджи А. О., Ойебаде А. А. Юридические аспекты наделяния искусственного интеллекта субъектностью: перспективы использования роботов в юридической практике в Нигерии // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2, №4. С. 835 – 856. doi: 10.21202/jdtl.2024.41. EDN: FHNKJQ.

23. Voiculescu A. Reflections on the EPSRC principles of robotics from the new far-side of the law // *Connection Science*. 2017. Vol. 29, №2. P. 160 – 169. doi: 10.1080/09540091.2017.1313818.

24. Об утверждении Стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. №35. Ст. 5593.

25. Боевой робот // Военный энциклопедический словарь / Министерство обороны РФ. URL: <https://mil.ru/services/encyclopedia/dictionary/list/997379f1-870d-447e-b86b-d16ceb247fa7> (дата обращения: 16.10.2025).

26. Бугаков И. А., Царьков А. Н. Интеллектуализация военной робототехники: терминологическая и технологическая проблемы // *Известия Института инженерной физики*. 2017. №3 (45). С. 87 – 93.

27. Щелконогова Е. В. Значение объекта преступления для системы особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023. №2 (37). С. 128 – 133. doi: 10.47475/2311-696X-2023-10218.

Об авторе

Денис Сергеевич Кийко — асп., Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Россия.

ORCID: 0009-0004-5309-6410

SPIN-код: 1494-9414

E-mail: deniskiiko@yandex.ru

D. S. Kiiko

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR DISTINGUISHING BETWEEN THE CONCEPTS OF 'MILITARY ROBOT' AND 'MILITARY ROBOTICS' IN CRIMINAL LAW DOCTRINE

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML),
Kazan, Russia

Received 21 January 2026

Accepted 14 March 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2

To cite this article: Kiiko D. S., 2026, Conceptual foundations for distinguishing between the concepts of 'military robot' and 'military robotics' in criminal law doctrine, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 23 – 37. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2.

This article addresses the pressing issue of the lack of uniform definitions for key concepts in military robotics, which undermines the efficacy of traditional legal norms amidst rapid technological advancement. The aim of the study is to bridge this terminological lacuna by developing

and substantiating doctrinal definitions for the core categories of 'military robot' and 'military robotics' in order to enhance the system of criminal law regulation. The methodological framework for this research comprises comparative legal analysis, which facilitates the comparison of national approaches and practices in the legal regulation of robotics, and the structural-functional method, which is employed to identify and systematise the essential characteristics of the phenomena under study. The analysis demonstrates the need for a clear conceptual distinction between these terms and proposes definitions for 'military robot' and 'military robotics'. The principal conclusion of the study is that these definitions establish a conceptual foundation for the systematic modernisation of criminal liability institutions, including the criminalisation of new forms of unlawful conduct and the clarification of the subject of a crime and forms of guilt. Such an update of criminal law mechanisms is deemed an essential prerequisite for maintaining legal security and effectively countering the challenges posed by the technological transformation of warfare.

Keywords: military robot, military robotics, autonomous systems, criminal law, criminal liability, qualification of crimes, legal gaps, artificial intelligence

The author

Denis S. Kiiko, PhD Student, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia.

ORCID: 0009-0004-5309-6410

E-mail: deniskiiko@yandex.ru